

ТЕМА НОМЕРА

И.А. Бронников

I. Bronnikov

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ СЕТЕВОГО ГРАЖДАНСКОГО АКТИВИЗМА В РОССИИ: НОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ И ТЕХНОЛОГИИ *

POLITICAL PRACTICES NETWORK OF CIVIL ACTIVISM IN RUSSIA: NEW PLATFORMS AND TECHNOLOGIES

Аннотация

В статье рассматриваются перспективы и возможности политических практик сетевого гражданского активизма в контексте выстраивания эффективного диалога между государством и институтами гражданского общества в России. Основное содержание исследования составляет анализ способов и форм сетевого гражданского активизма, реализуемых с использованием ресурсов социальных медиа и технологий четвертой промышленной революции. По мнению автора, важным позитивным моментом создания сетевого ландшафта стало превращение «коммуникационной пропасти» в коммуникационные возможности акторов, прежде всего путем удовлетворения социальных и политических проблем на местном уровне и реализации различных практик гражданского активизма.

По заключению автора, сетевой гражданский активизм – это социальный и политический капитал, экспоненциально набирающий свою силу. Эффективность государственной состоятельности в постинформационном обществе, пронизанном постправдой, во многом зависит от глубины публичного диалога между властью и обществом. Наличие неиерархических взаимодействия и латентных связей позволяет политическим акторам разрабатывать, канализировать и согласовывать направление политических действий в реалиях российского политического процесса, что повышает общий уровень эффективности диалога между государством и институтами гражданского общества.

Abstract

The article discusses the prospects and opportunities of political practices of network civil activism in the context of building an effective dialogue between the state and civil society institutions in Russia. The main points of the study are the analysis of methods and forms of network civil activism implemented by using social media resources and technologies of the fourth industrial revolution. According to the author, an important positive aspect of the creation of the network landscape was the transformation of the "communication gap" in the communication capabilities of actors, mainly by the satisfaction of social and political problems at the local level and the implementation of various practices of civil activism.

In the author's opinion, network civil activism is a social and political capital, exponentially gaining its strength. The effectiveness of state solvency in a post-information society imbued with the post-truth depends largely on the depth of the public dialogue between the government and society. The presence of non-hierarchical interaction and latent ties allows political actors to develop, channel and coordinate the direction of political actions in the realities of the Russian political process, which increases the overall level of effectiveness of the dialogue between the state and civil society institutions. The analysis showed that the growth of network civic activism contributes to an increase in the number of initi-

Проведённый анализ показал, что рост сетевого гражданского активизма способствует увеличению количества инициатив, что, в конечном итоге, приведет к общему повышению качества человеческого капитала и использования его как фактора социально-экономического развития в России.

atives, which ultimately will lead to an overall improvement in the quality of human capital and its use as a factor of socio-economic development Russia.

Ключевые слова:

постинформационное общество, сетевой гражданский активизм, гражданское участие, взаимодействие государства и гражданского общества, социальные медиа.

Key words:

post-information society, network civic activism, civic participation, interaction of the state and civil society, social media.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта №19-011-32046 «Сетевые гражданские инициативы как инструмент диалога между государством и институтами гражданского общества».

Трансформация онлайн-пространства в площадку для активных политических коммуникаций открывает новые возможности и платформы для постоянного и неиерархического взаимодействия акторов. Особенности постинформационного общества способствуют образованию дисперсных сетевых очагов, которые впоследствии создают благоприятные условия для формирования прочных сетевых связей между акторами, являющимися необходимым элементом единого сетевого пространства. Это приводит к тому, что информационно-коммуникационные технологии (далее – ИКТ) становятся структурирующими дефинициями постинформационного общества. Как отмечает А.И. Ракитов [17], показательными маркерами постинформационного общества являются системы искусственного интеллекта (ИИ), интернет вещей, а также постоянное искажение транслируемых сведений и информации посредством апеллирования к эмоциям и личным установкам (политика постправды, англ. «post-truth politics»). Постправда как состояние информационного поля меняла источники и формы, но оставалась доминирующим состоянием всегда – и наше время не стало исключением. Постправду можно определить, как информацию, поданную так, что использование ее ведет к результатам, не совпадающим с теми, которые хотел бы получить пользователь этой информации [15]. Итогом является то, что сегодня благодаря повсеместному внедрению ИКТ любой человек и есть создатель и транслятор постправды в призме своего понимания происходящих многоликих процессов и явлений. Прежде всего это касается публичного мира политики.

Создание Т. Бернерсом-Ли почти 30 лет назад технологического гипертекстового проекта «World Wide Web» для взаимодействия со своими коллегами из Европейской организации по ядерным исследованиям (CERN) неожиданно запустило имплицитный вектор развития современного сетевого общества. Сейчас уже не вызывает удивления тот факт, что в мире насчитывается 4,3 млрд. интернет-пользователей, а проникновение интернета в некоторых районах мира (Северная Америка) достигает 89%. Скорости работы с информацией и коммуникацией растут ошеломительными темпами. К примеру, ежеминутно в сети: загружается 400 ч. видео-контента в YouTube, ставится 5 000 000 лайков в Facebook, публикуется 600 новых статей/правок в Wikipedia, производится поиск по более чем 3 800 000 запросам в Google.

Подобная эйфория от повсеместного внедрения информационных технологий не должна заводить в заблуждение. Так, в отчете EBU-Trust in Media 2019 показано, что продолжает расти разрыв между доверием людей к традиционным и новым медиа. К примеру, 75% европейцев доверяет телевидению, 85% – радио, а вот социальным сетям – 19% (в целом, интернету – 32%) [31]. Впервые за все время исследований авторы отмечают, что большинство респондентов склонны доверять печатной прессе. А сооснователь социальной сети Facebook Chris Hughes (Крис Хьюз) опубликовал программную статью в New York Times [26], где высказал критические соображение по поводу коммуникационной монополии основных платформ (Facebook, Instagram, WhatsApp) в руках Марка Цукерберга (М. Цукерберг контролирует 60% акций указанной компаний). По мнению Хьюза, политическое влияние М. Цукерберга колоссально и намного превосходит влияние кого бы то ни было в бизнесе или в правительстве. Учитывая, что по состоянию на май 2019 года аудитория Facebook составляет 2,7 млрд. пользователей опасения по поводу монополии на формирование информационной повестки дня, монополии на доступ к аудитории, монополии на коммуникационный акт, монополии на свободные высказывания вполне обоснованы.

В свое время М. Маклюэн писал, что средство коммуникации определяет и контролирует масштабы и форму человеческой ассоциации и человеческого действия [27]. С точки зрения экс-министра обороны США Р. Гейтса свобода коммуникации и ее природа являются огромным стратегическим ресурсом США [10, с. 76]. Однако сегодня большее значение

приобретает то, как и зачем конкретный индивид использует средства и возможности сетевых коммуникаций. В этом смысле маклюэновское афористическое выражение «Средство сообщения и есть само сообщение» сегодня приобретает новый смысл – средство коммуникации, прежде всего, формирует медийную среду, конструирует виртуальные образы, создает «упаковку», в которой сообщение попадает в медиа. Особенно ярко это проявилось в политическом процессе, так как в нынешнем времени граждане достаточно редко непосредственно контактируют с политиками и чиновниками, ограничиваясь коммуникацией онлайн-характера. В этой связи можно вспомнить опыт Южной Кореи в построении электронного правительства «Government For Citizen» («Правительство для граждан», (G4C)), где данная государственная программа направлена на упрощение и минимизацию взаимодействия граждан с государственными служащими.

Обеспечить гармоничное развитие общества и государства усилиями только органов власти представляется крайне затруднительным и малоэффективным. Анализ состояния вопроса (state of the art) показал, что можно выделить ряд моделей и механизмов взаимодействия институтов гражданского общества и государства.

Так, Ю. Хабермас представляет гражданское общества как некую буферную зону, которая помогает наладить коммуникацию индивида и государства. Опираясь на идеи Э. Арато и Дж. Коэна, российский исследователь А.П. Кочетков полагает, что государство и гражданское общество неразрывно связаны друг с другом, составляют две части единого социального организма [11, с. 40]. А.И. Соловьев, в зависимости от политической автономности выделяет три модели взаимоотношения государства и акторов гражданского общества: властвующие и подвластные, управляющие и управляемые, клиентские отношения [18]. А.Ю. Сунгуров описывает три ключевых варианта взаимодействия государства и гражданского общества: сотрудничество, игнорирование и конфронтация [20]. С точки зрения модели «сотрудничества» Я.А. Пляйс справедливо отмечает, что всякое государство, стремящееся к прогрессу, должно быть заинтересовано в своевременной передаче структурам гражданского общества части своих функций и обязанностей [16, с. 267].

Как видится, крайне важно ограничить иерархические построения, которые только мешают выстраиванию эффективного диалога государства и институтов гражданского общества, чтобы они не превратились в

систему подавления и господства. В этой связи развитие постинформационного общества приводит к тому, что онлайн-пространство становится коммуникативной площадкой, где политика, вопреки сопротивлению правящей элиты, через активизацию гражданского общества приобретает децентрализованную сетевую форму, т.е. иерархические формы взаимодействия власти и общества дополняются неиерархическими, а сфера взаимодействия государства и гражданского общества демократизируется, наполняется элементами партиципаторной и прямой демократии [5]. Однако многочисленные зарубежные публикации по активизации сетевых акторов гражданского общества, скорее всего, нельзя переносить на реальный политический процесс в России, имеющий характерные особенности исторического, институционального и социокультурного свойств.

По всей видимости, наиболее релевантными теориями, объясняющими всю гамму происходящих изменений гражданского активизма в современном мире, являются:

- теория политической культуры (Г. Алмонд, С. Верба, Р. Келли, С. Паттерсон, Р. Ротберг, Д. Элазар, Э.Я. Баталов, Ю.С. Пивоваров);
- теория политических ценностей (Р. Инглхарт, К. Вельцель, М. Роккич, Ш. Шварц);
- теория политических сетей (Т. Берцель, Дж. Гудвин, Дж. Коулман, Д. Марш, Р. Родес, М. Эмирбайер).

К примеру, Г. Алмонд отмечал, что политическая культура не может полностью объяснить политическую реальность, но служит ключевым элементом в ее постижении [1]. С. Паттерсон выделяет три важных признака политической культуры: абсолютность (невозможность анализа всех ценностных ориентаций), многогранность (различие функциональных особенностей разных пластов политической культуры) и изменчивость (возможность непрерывного обновления под влиянием новой информации) [6, с. 25-26]. Важно отметить, что в основных документах, определяющих национальные интересы Российской Федерации немаловажное место отводится политической культуре.

Согласно Е.Б. Шестопал ценности представляют собой независимые от индивидов сущности, выступающие в политике в роли идейного образца и социального регулятора, а с другой, являются порождением сознания людей и существуют в нем, определяя, таким образом, особенности неинституциональных компонентов политических процессов [6, с. 28].

Указанный диссонанс дополняется антиномичностью (двойственный характер) русского национального сознания (по Н.А. Бердяеву). Более того в XXI веке произошел ценностный сдвиг в стратегиях выживания, который выражается в переходе от материалистических ценностей к постматериалистическим (по Р. Инглхарту). Данный переход стал возможным благодаря резкому повышению уровня жизни во многих странах во второй половине XX века (государство всеобщего благосостояния, стремительный рост ВВП, технологический детерминизм, «тепличные» условия экзистенциальной безопасности). Постматериалисты особо выделяют ценности нематериального характера: самоактуализация человека и индивидуальное самовыражение, реализация целей, гарантии прав и свобод личности, качество жизни, защита окружающей среды, глобальные общественные блага, и, конечно, политическое участие. Не в последнюю очередь эти изменения способствовали модификации гражданского активизма, его усложнению и переориентации в сетевую форму. Интересно заметить, что Р. Инглхарт полагает, что исторический путь развития обществ, а также влияние религий на политические ценности отражает новый мировой тренд – движение государств в рамках общего вектора, но отражающего культурные особенности каждой страны [25].

Соглашаясь с высказыванием М. Фуко отметим, что гражданское общество представляет собой отношение власти, укорененные в социальной сети [21]. В частности, сетевые формы коммуникации институтов гражданского общества и государства могут обеспечить эффективное информационное сопровождение процесса взаимодействия политических акторов на постоянной основе с своевременным подключением к процессу принятия политико-управленческих решений. По мнению Р. Родеса, политические сети создаются в разнообразных областях политики нынешнего общества и представляют собой комплекс структурных взаимоотношений между государственными и общественными институтами [30]. Об этом также пишет Т. Берцель, признавая, что политическая сеть – это набор сравнительно стабильных неиерархических и взаимозависимых взаимодействий, связывающих многообразие политических акторов, которые разделяют общие интересы и обмениваются ресурсами в целях продвижения этих интересов, признавая, что кооперация и совместная работа являются наилучшими способами достижения общих целей [23]. Важный акцент в этих позициях делается на том, что политическая сеть

выступает ресурсным потенциалом развития в контексте общего коллективного интереса. С другой стороны, указанные авторы признают институциональную составляющую политической сети в политическом процессе и отмечают ее неотъемлемость в современном мире политики. Согласно сетевой теории политики сеть является переменной в производстве политики, политика же рассматривается как модель интерактивных политических процессов, характеризующихся взаимодействием между многими акторами и сложностью целей и стратегий, которые являются результатами такого взаимодействия [13, с. 39-40].

Особенности сетевого гражданского активизма в России

Реалии постинформационного общества показали, что у акторов гражданского общества есть иная способность активизации – активизация, основанная на сетевом принципе. Как известно, любое повседневное событие или явление может стать политическим, где речь идет об изменении окружающей социальной действительности [28]. Таким образом, трансформация способов и форм коммуникации, в связи с внедрением сетевых практик, между государством и институтами гражданского общества – важный политический вопрос XXI в. Совокупный интеллект вкупе с социальной рекомендательной институцией позволяет силами профессионалов создать высококачественный контент (например, проект Peer-to-Patent в США; wiki-проект Intellipedia для международной совместной работы и обмена разведывательной информацией; браузер Mozilla и пр.), а скорость коммуникации в социальных медиа способствует молниеносному распространению информации (к примеру, первая и верная версия о падении метеорита в Челябинске появилась в Твиттере спустя 40 сек. в 07:20 15 февраля 2013 года, тогда как в официальных СМИ первое упоминание сообщили только в 08:40).

Проблематика гражданской активности и гражданских инициатив находится в зоне повышенного внимания последние несколько лет. Члены Общественной палаты Российской Федерации ежегодно публикуют экспертные отчеты о состоянии и перспективах развития гражданского общества. В частности, в Докладе о состоянии гражданского общества в России за 2018 год говорится, что без привлечения активных представителей гражданского общества и просто людей на местах невозможно коренным образом улучшить жизнь в стране [9]. Так, по данным ФОМ, за

прошедшие 10 лет уровень гражданской активности вырос на 10%. Две трети граждан так или иначе на бескорыстной основе участвуют в решении общих проблем или занимаются благотворительностью. Лишь 36% взрослых россиян числятся в аутсайдерах и такую гражданскую активность не проявляют вообще. Согласно статистике ВЦИОМ, основными мотивами, которыми руководствуются участники добровольческих движений являются «жить активной жизнью» (48%) и «чувствовать себя полезным» (37%) [2]. Ради изменений к лучшему более половины жителей России готовы голосовать на выборах за партии или кандидатов, предлагающих близкий им план преобразований (71%), подписывать открытые письма и петиции (53%) и принимать участие в работе общественных и политических организаций (30%). Готовность участвовать в различных инициативах (выборах, организациях, протестах, митингах и др.) среди активных интернет-пользователей, выходящих в сеть ежедневно или несколько раз в неделю, выше, чем у тех опрошенных, кто пользуется интернетом редко или вовсе не выходит в сеть [8].

У граждан современной России (особенно это касается поколения Z) сформировался отчетливый запрос на новый характер публичности политического процесса, на выстраивание новых легитимных, институциональных и неиерархических форм социально-политического консенсуса. Согласно данным ФОМ, 36% молодых людей допускают для себя возможность участия в каких-либо митингах, демонстрациях, акциях протеста [19]. Гражданский активизм сегодня – это сложное многогранное явление, тематически разнообразное в зависимости от территориальной, региональной и возрастной специфики.

В обиходной речи «гражданский активист» — это, так называемый, термин «раздражитель», потому что, как правило, под ним понимают организаторов протестных акций, радикальных оппозиционеров, членов деструктивных идеологизированных групп. Однако реалии постинформационного общества показали, что в России существует несколько моделей, стилей и уровней гражданского активизма с разными практиками эксклюзивности и неповторимости. Реальные практики общественной активности можно классифицировать по разным параметрам: по регулярности воплощения: стабильные и хаотичные; по количеству участников: индивидуальные и коллективные; по преследуемым целям: экологические, молодежные, национальные, гендерные, антивоенные, протестные

и пр.; по масштабности: городские, региональные, общегосударственные; по причастности к политике: политизированные и аполитичные; по степени радикализма: конструктивные и деструктивные; по популистскому типу: мейнстримные и «нишевые», полузакрытые; по модели мобилизации: традиционные и сетевые.

Сетевая мобилизация заметно упростила входной барьер для участия в гражданских кампаниях, акциях, что значительно увеличило степень влияния частных и общественных инициатив. Соглашаясь с Ю.А. Головиным отметим, что сетевая форма организации гражданской активности – это децентрализованные системы, которые строятся на договорной основе организации деятельности и формирования партнерских отношений между участниками [7, с. 196].

Каждое сетевое движение имеет свою характерную уникальность формирования. Можно выделить три вида формирования сетевых движений [4; 7]:

1. Протовертикальные сетевые движение («Общероссийский народный фронт», сеть «ГосБук», «Российская общественная инициатива», платформы электронных референдумов);

2. Низовые сетевые инициативы («Лиза Алерт», «РосЯма», «РосПил», «Движение в защиту Химкинского леса», «Activism», «Лига избирателей», «Общество синих ведерок», экологические движения, гражданские художественные акции, досуговые инициативы);

3. Гибридные сетевые движения (колумбийская акция исторической памяти «Sumando Ausencias», «Стоп Хам», «Трезвая Россия», краудсорсинговые и краудфандинговые проекты).

Метатеоретические характеристики сетевого подхода определяются двумя формальными составляющими: во-первых, понятие «сеть» используется для обозначения и сложных, динамических и взаимосвязанных ячеистых структур, и – «новой логики осмысления предельно сложных явлений и процессов, происходящих в современном мире; во-вторых, в основу сетевой теории положен принцип сетевого взаимодействия, координирующий разнообразные концепции и теории в рамках задачи построения теоретического знания о новой сетевой реальности [14, с. 84].

Сетевые практики формируют сетевую логику социополитических изменений (по М. Кастельсу), в рамках которой человек приобщается к новым информационным нормам и моделям коммуникации. Как отмечал З.

Бауман, сетевые взаимодействия определяются непредсказуемостью, не-системностью и постоянной «текучестью» процессов.

По мере внедрение сетевых коммуникаций в политический процесс было предложено несколько моделей поведения человека посредством каждодневного давления сетевых взаимодействий. В частности, концепция «сетевых феодалов и крепостных», показывающая, что в современном мире существует небольшая прослойка субъектов влияния в сети – «сетевые феодалы», которые и наполняют онлайн-пространство контентом, конструируют вокруг себя возможные варианты общественных решений и транслируют их в формируемое публичное пространство, наполненное «сетевыми крепостными», потребляющими заранее выработанные решения. Указанное потребление может быть не только в виде получения информации, но также и в форме всевозможных лайков, дизлайков, комментариев, репостов, ретвитов и пр. Данный эффект иногда называют «неравным участием», который соответствует формуле Д. Нильсена «90-9-1», где: 90 – 90% пользователей, имеющих аккаунты а социальных сетях и пассивно просматривающие информацию (односторонняя коммуникация); 9 – 9% пользователей проявляют непостоянную активность, время от времени «оживляя» свою страничку постами; 1 – 1% – это главные субъекты влияния в социальных медиа, создающие основной контент в социальных сетях, который и потребляют остальные 99%.

Таким образом «сетевые феодалы» получают мощный ресурс коммуникативной власти. Интересно отметить, что У. Бек говорил, что на смену властному доминированию правительств и государственных иерархических структур приходит более гибкая власть коммуникации сетевых индивидов и сообществ, способная моментально реагировать на вызовы и запросы [3]. Современная модель взаимодействия государства и институтов гражданского общества должна выстраиваться на основе горизонтально-сетевых связей с постоянной интеграцией исторических, смысловых и символических форм политической организации общества. Вовлеченность граждан в общественные процессы связывает коммуникативную власть гражданского общества с политико-управленческими решениями (гражданский контроль, гражданская экспертиза, межсекторное взаимодействие), тем самым формируя механизмы со-управления и со-участия, в рамках которых может работать wiki-правительство.

Сетевой гражданский активизм: в диалоге между государством и институтами гражданского общества в России

Государство, осуществляя диагностику состояния публичной политики, выступает инициатором и модератором проектных и экспертных сетей, институционализируя публичные импульсы акторов сетевого гражданского общества, вступающих во взаимодействие с властью преимущественно в рамках конкретных политических проектов, вызывающую у них индивидуальную мотивацию участия [14, с. 92]. Сетевой гражданский активизм обладает существенным потенциалом для повышения эффективности системных диалоговых практик между государством и институтами гражданского общества на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Современные ИКТ и технологии четвертой промышленной революции способствуют росту уровня общественного участия, а мотивация, связанная с проявлением гражданской активности, заложенная в постматериалистических ценностях побуждает многих людей искать эффективные пути решения важнейших проблем социума. Особенно этот потенциал заметен в местных сообществах, где трудности понятны, близки и требуют безотлагательных действий.

В этой связи интересно отметить, что существующие модели государственного управления различаются системными принципами управления, реализуемыми в проблемных точках, различающихся по типу зависимости их участников. Триада «иерархия – государство – сети» меняется в зависимости от выбранной организационной схемы государственного управления. Сетевым формам организации соответствует «общественно-сетевая» модель New Governance, которая в развитых странах накладывается на классическую «веберовскую» модель рациональной бюрократии (иерархии) и дополняющую ее рыночно-ориентированную модель New Public Management [12]. Взаимосвязь между моделями государственного управления и особенностями гражданского общества представлена в таблице 1.

Табл. 1. Соотношение между типами управления и особенностями гражданского общества [12]

Тип организации/управления	Тип системной зависимости участников	Модель государственного управления	Фокусировка модели	Идея государства	Идея гражданского общества
Иерархическая / Control & Administration	Hard – «жесткая» зависимость	Рациональная бюрократия	На процедуру	«Сильное» государство	«Контрфорс» государству
Рыночная / Management	Soft – формальная зависимость. Участники свободно договариваются	New Public Management (NPM)	На результат	«Эффективное» государство	Неотъемлемый элемент «эффективного» государства
Сетевая / Governance	Intelligent – гибкая взаимозависимость участников	New Governance	На участие и партнерство	«Инклюзивное» государство	Соучастие и соуправление

Для государства быть с гражданским обществом в системном ответственном диалоге – политически целесообразно. Повышение эффективности гражданского участия невозможно без серьезного и системного публичного диалога. Демократизация, движимая давлением со стороны масс, происходит чаще и протекает успешнее, нежели демократизация, являющаяся результатом уступок со стороны элит [22]. И, только укорененные в обществе политические практики и институты, является по настоящему устойчивыми. В настоящее время, как государству, так и гражданам затруднительно адаптироваться к требованиям новой медийной среды.

Одним из позитивных моментов создания сетевого ландшафта стало превращение «коммуникационной пропасти» в коммуникационные возможности акторов, прежде всего путем удовлетворения социальных и политических проблем на местном уровне и реализации различных практик гражданского активизма. Как видится, сетевая политическая коммуникация имеет потенциал стать связующим инструментом, способствующим объединению российской общественности.

Любая деятельность в современном постинформационном обществе осуществляется в условиях возрастающей неопределенности. Регулярные политические задачи необходимо решать быстро и эффективно. Общее усложнение структуры и процессов в обществе, обострение социальных противоречий, политических конфликтов и уровня сетевизации общественных взаимодействий существенно повышает степень неопределенности ситуаций, в которых принимаются политико-управленческие решения. Именно поэтому для того, чтобы преодолеть «коммуникативный провал» между гражданским обществом и государством сегодня необходимо встраивание сетевых гражданских инициатив в современный политический процесс, что позволит структурировать неиерархическое пространство сетевых коммуникаций. Более того, взаимодействия государства и акторов гражданского общества в последнее время создают и углубляют сетевые формы политических коммуникаций. Жизненно важным в этой связи видится разработка и внедрение новых форм и способов политико-коммуникационного взаимодействия акторов.

Все изложенное позволяет сделать несколько выводов.

1. Сетевой гражданский активизм – это социальный и политический капитал, экспоненциально набирающий свою силу во всем мире. Эффективность государственной состоятельности в постинформационном обществе, пронизанном постправдой, во многом зависит от внедрения сетевого гражданского активизма в публичный диалог между властью и обществом.

2. Сетевая политическая коммуникация превращается в важнейший элемент современного политического процесса, являющаяся индикатором общественно-политических отношений и задающая формат диалога между властью и обществом. Подобный порядок создает предпосылки для исключения определенных групп граждан из сетевого публичного пространства, что может привести к повышению уровня недовольства определенными категориями граждан существующей политической системы.

3. В последние годы российские граждане посредством социальных медиа привыкли выражать свою социальную и политическую позицию, в основном, это связано с тем, что сообщения в онлайн не требуют дополнительных усилий, а также, зачастую, являются эмоциональными, непреднамеренными и спонтанными (феномен «живой очереди»). Высказывания в сети являются своеобразным «лакмусом» общественно-политических настроений в стране. Социальные сети для граждан – эле-

мент политической подотчетности власти, а для государства – открытая площадка для мониторинга общественного мнения («демократия настроений»). Более того, сетевые коммуникации позволяют моментально отслеживать запросы и реагировать на требования акторов гражданского общества посредством принятия политико-управленческих решений.

4. Наличие неиерархических взаимодействия и латентных связей позволяет политическим акторам разрабатывать, канализировать и согласовывать направление политических действий в реалиях постинформационного общества, пронизанного сетевыми коммуникациями, что повышает общий уровень эффективности диалога между государством и институтами гражданского общества.

5. В условиях глобального падения доверия к институтам власти спрос на легитимную государственную власть особенно высок. Согласно исследованию, проведенному Edelman Trust Barometer [24], общий уровень доверия к институтам власти в мире в 2019 г. составил 52%, в России этот показатель равен 29%. В этой связи, сетевой гражданский активизм является самым доступным каналом артикулирования общественно-политических интересов и донесения их до органов власти.

6. Сетевой гражданский активизм – своеобразная «лупа», позволяющая гражданам получать дополнительную информацию для оценки эффективности работы органов власти и отслеживания фактов превышения ее членами своих полномочий.

7. Рост сетевого гражданского активизма способствует увеличению количества инициатив, что, в конечном итоге, приведет к общему повышению качества человеческого капитала и использования его как фактора социально-экономического развития в России.

Литература

1. Алмонд Г., Пуэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. Москва, 2002.

2. Без корысти. Зачем идти в волонтеры // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2017/09/04/socopros-uroven-grazhdanskoj-aktivnosti-v-rf-vyros-na-10.html> (дата обращения 31.03.2019).

3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. Москва: Прогресс-Традиция, 2000.

4. Бронников И.А. Гражданский интернет-активизм: тенденции и перспективы // Вестник Поволжского института управления. 2017. №4.

5. Буренко В.И., Бронников И.А. Электронное гражданское общество: иллюзии или реальность? (Зарубежный опыт и отечественная практика. Политический аспект) // Знание. Понимание. Умение. 2012. №1.

6. Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993-2018) / Отв. ред. Е.Б. Шестопап. Москва: Издательство «Весь мир», 2019.

7. Головин Ю.А., Фролов А.А. Практики гражданской активности в современной России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. №2.

8. Гражданская активность // Опрос Левада-центра. URL: <https://www.levada.ru/2019/02/13/grazhdanskaya-aktivnost/> (дата обращения 30.04.2019).

9. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2018 год. Москва: Общественная палата Российской Федерации, 2018.

10. Кёхлер Г. Новые социальные медиа: нас или препятствия для диалога? // Полис. Политические исследования. 2013. №4.

11. Кочетков А.П. Гражданское общество в фокусе политической науки (историографический обзор) // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2014. №1.

12. Марача В.Г. Сетевая организация и системные принципы управления во взаимоотношениях инновационного бизнеса и государства // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2018. Т. 14. №4.

13. Мирошниченко И.В. Сетевая публичная политика и управление. Москва: АРГАМАК-МЕДИА, 2016.

14. Мирошниченко И.В., Морозова Е.В. Сетевая публичная политика: контуры предметного поля // Полис. Политические исследования. 2017. №2.

15. Мовчан А. Россия в эпоху постправды: Здравый смысл против информационного шума. Москва: Альпина Паблишер, 2019.

16. Пляйс Я.А. Политология в контексте переходной экономики России. Москва: РОССПЭН, 2009.

17. Ракитов А.И. Постинформационное общество // Философские науки. 2016. №12.

18. Соловьев А.И. Три облика государства – три стратегии гражданского общества // Полис. Политические исследования. 1996. № 6.

19. Социальная и политическая активность молодежи // Опрос ФОМ. URL: https://fom.ru/TSennosti/13286?pk_vid=a6b62e6d2ea96d82155852321980e65c (дата обращения 30.04.2019).

20. Сунгуров А.Ю. Модели взаимодействия органов государственной власти и структур гражданского общества: российский опыт // Модернизация экономики и глобализация: в 3 кн. Отв. ред. Е.Г. Ясин. Москва: Изд. Дом ГУ-ВШЭ, 2009. Кн 1.

21. Фуко М. Интеллектуалы и власть: статьи и интервью, 1970-1984. Москва: Праксис, 2006.

22. Экспертное обсуждение результатов исследования «Институциональные проблемы массовой политики: методологические и теоретические аспекты». Институт социологии РАН. URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/Patrushev_Expert_osuzhdenie_04_03_2015.pdf (дата обращения 30.04.2019).

23. Börzel T. Networks: reified metaphor or governance panacea? // Public Administration. 2011. №1.

24. Edelman Trust Barometer 2019. URL: https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2019-03/2019_Edelman_Trust_Barometer_Global_Report.pdf?utm_source=website&utm_medium=global_report&utm_campaign=downloads (дата обращения 30.04.2019).

25. Inglehart R.F., Baker W. Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values // American Sociological Review. 2000. Vol. 65. №1.

26. It's Time to Break Up Facebook // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2019/05/09/opinion/sunday/chris-hughes-facebook-zuckerberg.html> (дата обращения 30.04.2019).

27. McLuhan M. Understanding Media: The extensions of man. London and New York: Routledge Classics, 2001.

28. Orwell G. Politics and the English Language // Inside the Whale and Other Essays. Harmondsworth: Penguin, 1962.

29. Politics and Big Data: Nowcasting and Forecasting Elections with Social Media / A. Ceron, L. Curini, S.M. Iacus. New York, NY: Routledge, 2017.

30. Rhodes R. Understanding governance: policy networks, governance, reflexivity, and accountability. Buckingham: Open University Press, 1997.

31. Trust gap between traditional and new media grows // The European Broadcasting Union (EBU). <https://www.ebu.ch/news/2019/05/trust-gap-between-traditional-and-new-media-grows> (дата обращения 30.04.2019).

References

1. Almond G., Puell Dzh., Strom K., Dalton R. Sravnitel'naya poli-tologiya segodnya. Mirovoi obzor. Moskva, 2002.

2. Bez korysti. Zachem idti v volonteru. Rossiiskaya gazeta. URL: <https://rg.ru/2017/09/04/socopros-uroven-grazhdanskoj-aktivnosti-v-rf-vyros-na-10.html> (data obrashcheniya 31.03.2019).

3. Bek U. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu. Moskva: Progress-Traditsiya, 2000.

4. Bronnikov I.A. Grazhdanskii internet-aktivizm: tendentsii i perspektivy. Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya. 2017. №4.

5. Burenko V.I., Bronnikov I.A. Elektronnoe grazhdanskoe obshchestvo: illyuzii ili real'nost'? (Zarubezhnyi opyt i otechestvennaya praktika. Politicheskii aspekt). Znanie. Ponimanie. Umenie. 2012. №1.

6. Vlast' i lidery v vospriyatii rossiiskikh grazhdan. Chetvert' veka nablyudenii (1993-2018) / Otv. red. E.B. Shestopal. Moskva: Izdatel'stvo «Ves mir», 2019.

7. Golovin Yu.A., Frolov A.A. Praktiki grazhdanskoi aktivnosti v sovremennoi Rossii. Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS. 2016. №2.

8. Grazhdanskaya aktivnost'. Opros Levada-tsentra. URL: <https://www.levada.ru/2019/02/13/grazhdanskaya-aktivnost/> (data obrashcheniya 30.04.2019).

9. Doklad o sostoyanii grazhdanskogo obshchestva v Rossiiskoi Fede-ratsii za 2018 god. Moskva: Obshchestvennaya palata Rossiiskoi Federatsii, 2018.

10. Kekhler G. Novye sotsial'nye media: nas ili prep'yatstviya dlya dialoga?. Polis. 2013. №4.

11. Kochetkov A.P. Grazhdanskoe obshchestvo v fokuse politicheskoi nauki (istoriograficheskii obzor). Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki. 2014. №1.

12. Maracha V.G. Setevaya organizatsiya i sistemnye printsipy upravleniya vo vzaimootnosheniyakh innovatsionnogo biznesa i gosudarstva. Sovremennye informatsionnye tekhnologii i IT-obrazovanie. 2018. T. 14. №4.

13. Miroshnichenko I.V. Setevaya publichnaya politika i upravlenie. Moskva: ARGAMAK-MEDIA, 2016.

14. Miroshnichenko I.V., Morozova E.V. Setevaya publichnaya politika: kontury predmetnogo polya. Polis. Politicheskie issledovaniya. 2017. №2.

15. Movchan A. Rossiya v epokhu postpravdy: Zdravyi smysl protiv informatsionnogo shuma. Moskva: Al'pina Pablisher, 2019.

16. Plyais Ya.A. Politologiya v kontekste perekhodnoi ekonomiki Ros-sii. Moskva: ROSSPEN, 2009.

17. Rakitov A.I. Postinformatsionnoe obshchestvo. Filosofskie nauki. 2016. №12.

18. Solov'ev A.I. Tri oblika gosudarstva – tri strategii grazhdan-skogo obshchestva. Polis. Politicheskie issledovaniya. 1996. № 6.

19. Sotsial'naya i politicheskaya aktivnost' molodezhi. Opros FOM. URL: https://fom.ru/TSennosti/13286?pk_vid=a6b62e6d2ea96d82155852321980e65c (data obrashcheniya 30.04.2019).

20. Sungurov A.Yu. Modeli vzaimodeistviya organov gosudarstvennoi vlasti i struktur grazhdanskogo obshchestva: rossiiskii opyt. Moderni-zatsiya ekonomiki i globalizatsiya: v 3 kn. Otv. red. E.G. Yasin. Moskva: Izd. Dom GU-VShE, 2009. Kn 1.

21. Fuko M. Intellektualy i vlast': stat'i i interv'yu, 1970-1984. Moskva: Praksis, 2006.

22. Ekspertnoe obsuzhdenie rezul'tatov issledovaniya «Institu-tsional'nye problemy massovoi politiki: metodologicheskie i teoreti-cheskie aspekty». Institut sotsiologii RAN. URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/Patrushev_Expert_osuzhdenie_04_03_2015.pdf (data obrashcheniya 30.04.2019).

23. Börzel T. Networks: reified metaphor or governance panacea? Public Administration. 2011. №1.

24. Edelman Trust Barometer 2019. URL: https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2019-03/2019_Edelman_Trust_Barometer_Global_Report.pdf?utm_source=website&utm_medium=global_report&utm_campaign=downloads (data obrashcheniya 30.04.2019).

25. Inglehart R.F., Baker W. Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values. *American Sociological Review*. 2000. Vol. 65. №1.

26. It's Time to Break Up Facebook. *The New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/2019/05/09/opinion/sunday/chris-hughes-facebook-zuckerberg.html> (data obrashcheniya 30.04.2019).

27. McLuhan M. *Understanding Media: The extensions of man*. London and New York: Routledge Classics, 2001.

28. Orwell G. *Politics and the English Language. Inside the Whale and Other Essays*. Harmondsworth: Penguin, 1962.

29. *Politics and Big Data: Nowcasting and Forecasting Elections with Social Media* / A. Ceron, L. Curini, S.M. Iacus. New York, NY: Routledge, 2017.

30. Rhodes R. *Understanding governance: policy networks, governance, reflexivity, and accountability*. Buckingham: Open University Press, 1997.

31. Trust gap between traditional and new media grows. *The European Broadcasting Union (EBU)*. <https://www.ebu.ch/news/2019/05/trust-gap-between-traditional-and-new-media-grows> (data obrashcheniya 30.04.2019).